

Николай Иванович Бухарин

Ленин как марксист

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171618

Содержание

1	3
2	6
3	9
3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Иванович Бухарин

Ленин как марксист

Доклад на

торжественном заседании

Коммунистической

академии

В довольно широких кругах нашей партии, да и за ее пределами обычно считается бесспорным, что Владимир Ильич представлял из себя несравненного и гениальнейшего практика рабочего движения; что же касается его теоретических построений, то оценка здесь обычно делается гораздо более низкая. Мне кажется, что теперь уже пора произвести в этом пункте некоторую небольшую, а может быть, и даже очень большую, ревизию. Мне кажется, что эта недостаточная оценка тов. Ленина как теоретика обуславливается известной психологической aberrацией, которая создается у нас всех. То теоретическое, что сделал тов. Ленин, у него не сконденсировано, не спрессовано, не преподнесено в нескольких закругленных томах. Теоретические положе-

ния, формулировки, обобщения, которые давал тов. Ленин, делались в значительной мере, на /10, от случая к случаю. Они разбросаны по всем многочисленным томам его Сочинений, и, как это нетрудно понять, – именно потому, что они разбросаны, именно потому, что они не преподнесены нашей читательской публике в сжатом, закругленном, уточненном виде, – именно поэтому очень многие считают, что тов. Ленин как теоретик в значительной мере уступал Ленину-практику. Но эта мысль, я думаю, будет разбита в течение ближайшего будущего, а в течение более отдаленного будущего тов. Ленин встанет перед нами во весь свой рост не только как гениальнейший практик рабочего движения, но и как гениальнейший его теоретик. Я приведу один маленький примерчик, если это мне будет разрешено, из своей собственной работы, из своей собственной «теоретической практики», если можно так выразиться. Мне случилось в одной из своих статей довольно подробно разработать вопрос о том, какое большое принципиальное отличие существует между вызревaniem социалистического строя внутри капиталистической системы и вызреванием капиталистического строя внутри феодального общества. Потом соответствующие положения, которые я опубликовал в журнале «Под знаменем марксизма», стали встречаться – в целом ряде работ юридического, общеполитического и всякого иного порядка – с большей или меньшей степенью теоретической заостренности. Но после того, как я эту статью написал и совер-

шенно искренне считал, что здесь, в этой маленькой теоретической области, в определенном разрезе, сказано некоторое новое слово, которое раньше не говорилось, – я увидел, что все это заключается буквально в четырех строках одной из речей Владимира Ильича, произнесенных им на VII съезденашей партийной организации, во время прений по Брестскому миру. Я думаю, что те из нас, которые занимаются и будут еще заниматься теоретической работой и которые будут теперь под несколько другим углом зрения прочитывать Сочинения Владимира Ильича, – они, несомненно, откроют в этих Сочинениях целый ряд вещей, мимо которых мы ранее проходили, которые оставались для нас незаметными и теоретической обширности которых мы не понимали. Ленин еще ждет как теоретик своего систематизатора, и в будущем, когда эта работа будет проделана и когда все то новое, что дал тов. Ленин в бесконечном количестве разбросанного и рассеянного по его Сочинениям, примет систематизированную форму, – Ленин станет перед нами во весь свой гигантский рост и как гениальный теоретик рабочего коммунистического движения. Задача моего доклада и заключается в том, чтобы наметить некоторые вехи, которые могли бы служить толчком для дальнейшей работы по изучению Владимира Ильича как теоретика-марксиста.

1

МАРКСИЗМ ЭПОХИ МАРКСА – ЭНГЕЛЬСА

Марксизм, как всякая доктрина, как всякое теоретическое построение, – и в чисто теоретической, и в теоретико-прикладной области – представляет из себя некоторую живую величину, которая развивается и изменяется. Он может изменяться таким образом, что количественная сторона этих изменений переходит в качественную, он может, как и всякая доктрина, вырождаться при определенных общественных условиях, но он не находится в одном и том же состоянии, и мне кажется, что теперь, в тот период, в который мы живем, всем уже стало совершенно ясно, что марксизм пережил три большие ступени в своем историческом развитии. Эти три ступени исторического развития марксистской идеологии, или марксизма, соответствуют трем большим отрезкам в истории рабочего движения, которые, в свою очередь, связаны с тремя крупными эпохами в развитии человеческого общества вообще, европейского общества в первую голову. Первая фаза марксистского развития – это есть марксизм, как он был исторически сформулирован самими основоположниками научного коммунизма – Марксом и Энгельсом. Это есть марксизм марксовский – в собственном смысле

ле этого слова. Социальная подкладка для этого марксизма была отнюдь не органическая и отнюдь не мирная эпоха в европейском развитии. Это была эпоха, когда Европа переживала целый ряд потрясений, – эпоха, которая нашла свое наиболее яркое выражение в революции 1848 года.

Главный материал для теоретических обобщений, то, что с социальной стороны дало заряд революционным формулировкам, именно и коренилось в условиях и катастрофическом характере европейского развития; и эпоха, в которую возник марксизм, дала совершенно своеобразную физиономию этому великому пролетарскому учению, наложив печать и на логическую конструкцию новорожденного марксизма. Мы совершенно ясно можем проследить те основные линии, которые, как я выразился здесь, дали революционный заряд марксизму Маркса и Энгельса: в первую очередь, соединение громаднейшей силы абстракции теоретических обобщений с революционной практикой. Мы знаем, что на наиболее высокой ступени теоретической абстракции, в своих тезисах о Фейербахе, Маркс выставил положение, являющееся философской платформой: «Философы до сих пор объясняли мир, а речь идет о том, чтобы этот мир изменить». Само собой понятно, что эта практическая, актуальная струя в марксизме Маркса и Энгельса имела свою социальную подкладку. Затем вся теория Маркса отличалась резко выраженным ниспровергательным характером, – она была глубоко революционна по самому существу своему, начи-

ная от верхних этажей идеологического построения и кончая практически-политическими своими выводами. И в области чисто теоретической, и в области прикладной теории все содержание этого марксизма было глубоко революционным. Ведь недаром на вопрос о том, что составляет душу марксистского учения, Маркс отвечал, вопреки очень многим, – когда я говорю очень многим, я подразумеваю даже и тех, которые сейчас считаются марксистами, – Маркс отвечал, вопреки очень многим, что его учение состоит не в учении о классовой борьбе, потому что это было известно и до него, а его учение состоит в том, что общественное развитие неизбежно приводит к диктатуре пролетариата. Можно сказать, что та формулировка, которая обычно дается марксизму, – именно, что марксизм – это есть алгебра революции, – эта формулировка была для марксизма эпохи Маркса и Энгельса совершенно правильна. Это была чудесная машина, которая служила великолепнейшим орудием для ниспровержения капиталистического режима во всех своих, повторяю, теоретических звеньях и во всех звеньях своих практически-политических выводов.

2

«МАРКСИЗМ» ЭПИГОНОВ

Вот это была первая фаза в развитии марксизма, его первое, если можно так выразиться, историческое лицо. Но мы отлично знаем, что дальше начинается другая эпоха и другой марксизм. Этот другой марксизм можно было бы назвать марксизмом эпигонов или марксизмом II Интернационала. Само собой разумеется, что переход от этой линии марксизма, от линии марксизма Маркса к марксизму эпигонов не произошел катастрофически. Это был эволюционный процесс, и эта эволюция идеологии рабочего движения имела своей основой, имела своей базой ту эволюцию, которую переживал в первую очередь европейский, а за ним и весь мировой капитализм. В первую очередь, повторяю, европейский. После революций 1848 года наступила относительная устойчивость капиталистического режима и начался цикл органического развития капитализма, который свои наиболее яркие противоречия отодвинул на свою колониальную периферию. В основных узлах растущей крупной промышленности мы имели процесс органического роста производительных сил с относительным процветанием рабочего класса. На этой социально-экономической почве мы имели и соответствующую политическую надстройку – консоли-

дированные национальные государства-«отечества». Буржуазия совершенно прочно сидела в седле. Началась империалистическая политика, которая особенно резко стала проявляться примерно с 80-х годов прошлого столетия; на базе повышения жизненного уровня рабочего класса, выделения и быстрого прогресса рабочей аристократии наметился прогресс медленного вставания рабочих организаций, внутренне, идеологически перерождающихся, в систему общего капиталистического механизма, который находил свое главное выражение, свое наиболее рациональное выражение, в политической головке капитала, т. е. в государственной власти господствующей буржуазии. Вот этот процесс и послужил фоном, почвой для перерождения господствующей идеологии рабочего движения. Идеология, как известно, отстает от практики. Поэтому есть известная неслаженность между развитием марксизма в идеологической области и развитием марксизма в области чисто практической. Марксизм стал перерождаться в двух своих основных формах. Наиболее яркую формулировку тенденции перерождения дало ревизионистское течение внутри германской социал-демократии. Поскольку речь идет о точных теоретических формулировках, мы в других странах не имеем более классического образца, несмотря даже на более решительное перерождение. В силу целого ряда исторических условий, в анализ которых я здесь входить не могу, оппортунистическая практика не получила нигде более ясных и точных форму-

лировок, чем те, которые она получила в «стране философов и поэтов». В Германии ревизионистское течение совершенно ясно уже сигнализировано, и не только сигнализировано, но очень полно выразило отход от того марксизма, который был свойствен Марксу и Энгельсу и всей предыдущей эпохе. Гораздо менее ясен был отход от марксизма другой группировки, которая называлась радикальной или ортодоксально-марксистской, с Каутским во главе. Мне уже приходилось по этому поводу высказываться в другом месте, и я лично считаю неправильным взгляд, что падение германской социал-демократии и Каутского начинается и датируется с 1914 года. Мне кажется (теперь мы можем это утверждать), что уже давным-давно, хотя и не с такой поспешностью, как у ревизионистов, у этой группировки в среде германской социал-демократии, которая долгое время задавала тон всему Интернационалу, мы совершенно ясно можем видеть отход от настоящего ортодоксального, от действительно революционного марксизма, как он был сформулирован Марксом и Энгельсом в предыдущую фазу развития рабочей идеологии.

В начале этого периода имелась известная неслаженность между теорией и практикой. Наиболее далеко идущие идеологи ревизионистского пошиба вырабатывали практику германских соц. – дем., разработав соответствующую теорию. Другая часть с.-д. упиралась еще в своих теоретических формулировках, не будучи в силах, да и не очень пытаясь, практически преодолеть эти вредоносные тенденции. Таковую по-

зицию занимала группа Каутского. Но в конце этого периода, когда история поставила ребром целый ряд самых принципиальных и существенных вопросов, – я говорю о начале всемирной войны, – «сразу» оказалось, что и практически и теоретически между этими крыльями нет никакой существенной разницы. По сути дела, эти два крыла – ревизионизм и каутскианство – выражали одну и ту же тенденцию вырождения марксизма, тенденцию приспособления, в худом смысле этого слова, к тем новым социальным условиям, которые нарождались в Европе и которые были свойственны этому циклу европейского развития; они выражали одну и ту же теоретическую струю, которая шла прочь от марксизма в его настоящей и действительно революционной формулировке. С общей точки зрения можно характеризовать эту разницу таким образом, что ревизионистский «марксизм» в его чистом виде – это стало наиболее ясным в последние годы, – что этот ревизионистский «марксизм», или марксизм в кавычках, в его последовательной форме приобрел резко выраженный фаталистический характер по отношению к государственной власти, капиталистическому режиму и пр., тогда как у Каутского и его группы мы имеем такой марксизм, который можно было бы назвать демократически-пацифистским. Эта грань условна, она стала за последние годы все более и более стираться, эти течения стали идти по одному и тому же руслу, которое все более решительно шло в сторону от марксизма. Суть этого процес-

са заключается в вышелушивании революционной сущности марксизма, в замене революционной теории марксизма, революционной диалектики, революционного учения относительно краха капитализма, революционного учения относительно развития капитализма, революционного учения о диктатуре и т. д., – замене всего этого обычным буржуазным демократически-эволюционным учением. Можно было бы показать подробно, как этот уклон очень ярко проявился в целом ряде теоретических вопросов. Такой анализ отчасти я давал в речи, посвященной программе Коммунистического Интернационала, на одном из интернациональных конгрессов. Этот ревизионистский уклон встречается, между прочим, и у Плеханова, и у Каутского, в одном из центральных пунктов марксистской теоретической систематики – в теории государственной власти. Наличие такого ревизионизма в теории государства делает совершенно ясным, почему и каутскианское крыло заняло буржуазно-пацифистскую позицию во время мировой империалистической войны. Настоящая марксова формулировка в области теории государственной власти всем нам известна. Это учение можно выразить примерно таким образом. Во время социалистической революции происходит разрушение государственного аппарата буржуазии и начинается создание новой диктатуры – «антидемократического» и в то же время пролетарски-демократического государства, совершенно своеобразной и специфической формы государственной власти, которая потом

начинает отмирать. У Каутского вы в этом пункте не найдете ничего подобного; и у Каутского, как у всех с.-д. марксистов в кавычках, у всех у них этот пункт освещается таким образом, что государственная власть есть нечто такое, что переходит из рук одного класса в руки другого так же, как машина, которая была в руках одного класса, а потом переходит в руки другого класса, без того, чтобы этот новый класс разобрал все ее винтики и потом снова их складывал по-новому. Из этой же формулировки, в своем роде логичной и последовательной, вытекает оборонческая позиция во время войны. Аргументацию, идущую по этой линии, можно было слышать десятки раз на социал-патриотических собраниях в начале войны, и эта чрезвычайно примитивная аргументация имела, как основа оборончества, немалый успех. Само собою разумеется, что если данное буржуазное государство будет завтра в моих руках, то нечего его разрушать, а, наоборот, его надо защищать, потому что завтра оно будет моим. Задача была поставлена совершенно по-иному, чем у Маркса. Если государство нельзя разрушать, потому что оно будет завтра в моих руках, то нельзя дезорганизовать армию, потому что это есть составная часть государственного аппарата, нельзя нарушать никакой государственной дисциплины и пр. Все здесь слажено, и само собой понятно, что когда государства были поставлены под удары во взаимной борьбе, то и каутскианизм, и ревизионизм, в полной солидарности со своими теоретическими предпосылками, сделали со-

ответствующий практический вывод.

Повторяю, что неправильно считать, будто бы здесь мы имеем какое-то моментальное, катастрофическое грехопадение. Оно было теоретически вполне обосновано. Мы только не замечали этого внутреннего перерождения и в так называемом «ортодоксальном» крыле, которое с действительной ортодоксальностью имело мало общего. То же самое можно было бы сказать насчет теории крушения капиталистического общества, насчет теории обнищания, насчет колониального и национального вопросов, насчет учения о демократии и диктатуре, насчет тактических учений, вроде учения о массовой борьбе, и т. д. С этой точки зрения я бы рекомендовал всем товарищам прочесть известную классическую брошюру Каутского «Социальная революция», которую мы читали, но теперь прочтем совершенно иными глазами, потому что сейчас в ней не трудно открыть целый Монблан всевозможных извращений марксизма и оппортунистических формулировок, которые совершенно нам ясны. Если эти марксистские «эпигоны» учитывали некоторые новые изменения в области капиталистического строя, в области соотношения между экономикой и политикой, если они под свою теоретическую лупу ставили какие-нибудь новые явления из области текущей жизни, то они эти новые явления всегда, по сути дела, учитывали под одним углом зрения – под углом зрения вращающихся рабочих организаций эволюционным путем в общую систему капиталистического механиз-

ма.

Появилась, например, новая форма акционерных компаний – сейчас же они ее привлекали для «доказательства» того, что капитал демократизируется. Появлялось на континенте улучшение положения рабочего класса – сейчас же из этого делались выводы, что, быть может, и революция не нужна, а мы мирным путем можем все сделать. Поскольку опирались на Маркса, то сейчас же хватались за целый ряд цитат, за отдельные вырванные из контекста положения и слова. Известно было, что Маркс сказал относительно Англии: "...в Англии, может быть, дело обойдется и без кровопролития». Это живо обобщалось всеми. Известно было, что Энгельс однажды выдал не особенно хорошие вещи относительно баррикадной борьбы. Из этого сейчас же делались все выводы в кавычках. Таким образом, все явления рассматривались под углом зрения вставания рабочих организаций в общую капиталистическую систему, под углом зрения, который можно условно назвать точкой зрения гражданского мира. От революционного марксизма отлетала и отлетала в конце концов его революционная сущность; случилось то, что очень часто бывает в истории, когда мы имеем те же слова, ту же номенклатуру, те же фразы, те же ярлычки, ту же символику и, повторяю, имеем совершенно иное социально-политическое содержание. В германской социалдемократии, которая в данном случае являлась образцом, еще сохранилась марксистская фразеология, еще сохранилась марк-

систская символика, еще сохранилась марксистская словесная шелуха, но не было совершенно марксистского содержания, осталась одна словесная оболочка от того учения, которое было выработано в эпоху социальных потрясений середины прошлого столетия. Революционная душа отлетела, и перед нами, по сути дела, было уже учение, которое соответствует оппортунистической практике германской социал-демократии, оппортунистических рабочих партий, объективно переродившихся и подкупленных соответствующими национальными буржуазиями. Можно было бы даже нарисовать своеобразную социально-политически-географическую карту степени подлости этих «марксистов». Чем сильнее страна в области мирового рынка, чем могучее были ее позиции, чем более прожорливую и алчную империалистическую полигику вела данная страна и данная национальная буржуазия, чем больше и сильнее была рабочая аристократия и чем крепче, чем более толстой цепочкой был привязан рабочий класс данной страны к своей собственной буржуазии, к ее государственной организации, – тем оппортунистичнее и тем подлее были теоретические формулировки, хотя бы они и прикрывались марксистскими ярлычками. Повторяю, мы можем такую карту нарисовать, которая могла бы чрезвычайно хорошо иллюстрировать связь между социально-политическим развитием, с одной стороны, и сферой идеологического развития, в данном случае идеологии рабочего движения, – с другой.

Такова была вторая полоса в развитии марксизма. Физиономия этого марксизма представляется иной, чем лицо марксизма Маркса и Энгельса. Как мы видим, здесь имеется совершенно иное социально-политическое образование, мы имеем совершенно другую идеологию, потому что лицо в значительной мере другая опора для этой идеологии. Этой опорой является рабочий класс наиболее грабительских империалистических государств, в особенности же рабочая аристократия этих могучих империалистических государственных тел. И когда процесс вырождения в области социально-политической получил наиболее классическое выражение, тогда мы стали иметь наиболее классические формулировки, отходящие по всей линии от ортодоксального марксизма.

3

МАРКСИЗМ ЛЕНИНА

Я подхожу теперь к вопросу относительно ленинизма. Мне рассказывали, что на одном из знамен Института Красной Профессуры написано: «Марксизм в науке, ленинизм в тактике – таково наше знамя». Мне кажется, что деление в высшей степени неудачно и отнюдь не соответствует «передовому авангарду на идеологическом фронте», как себя называют наши красные профессора, потому что так отрывать теорию от практики борьбы абсолютно нельзя. Если ленинизм как практика – это не то, что марксизм, то тогда происходит тот именно отрыв теории от практики, который особенно вредоносен для такого учреждения, как Институт Красной Профессуры. Ясное дело, что ленинский марксизм представляет из себя своеобразное идеологическое образование по той простой причине, что он сам есть дитя несколько иной эпохи.

Он не может быть простым повторением марксизма Маркса потому, что эпоха, в которую мы живем, не есть простое повторение той эпохи, в которую жил Маркс. Между той эпохой и этой есть нечто общее: и та эпоха не была органической эпохой, и наша эпоха в еще меньшей степени является органической эпохой. Марксизм Маркса был продуктом ре-

волюционного времени. И ленинский марксизм, если можно так выразиться, является продуктом необычайно бурной и необычайно революционной эпохи. Но само собой понятно, что здесь так много нового в самом ходе общественного развития, в самом эмпирическом материале, который дается как материал для теоретических обобщений, в тех задачах, которые ставятся перед революционным пролетариатом и, следовательно, требуют соответствующего ответа и соответствующей реакции, – так много нового, что наш теперешний марксизм не есть простое повторение той суммы идей, которая была выдвинута Марксом.

Необходимо самым решительным образом подчеркнуть, что отнюдь нельзя противопоставлять ленинизм марксизму, я отнюдь не хочу противопоставлять одно учение другому. Одно есть логическое и историческое завершение и развитие другого. Но я хотел бы раньше остановиться на тех новых фактах социально-экономической политики, которые являются базой для ленинского марксизма. В самом деле, что нового в этой области мы имеем перед собой, нового в том смысле, что эти явления были недоступны Марксу, потому что их просто не было в то время, в какое жил Маркс? Мы имеем, прежде всего, некоторую новую фазу в развитии капиталистических отношений. Маркс знал эпоху торгового капитала, который лежал за ним. Маркс знал промышленный капитал. Эпоха промышленного капитала считалась, можно сказать, классическим типом капитализма вообще.

Вы отлично знаете, что только при Энгельсе начали складываться такие организации, как синдикаты и тресты. А целую новую стадию капиталистического развития, с большой перестройкой производственных отношений в капитализме, того, что Ленин обозначал как монополистический капитализм, – сумму всех явлений, ясное дело, Маркс знать не мог, потому что их не было, и по этой простой причине он не мог их теоретически выразить и обобщить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.